

СТРОГАНОВЫ И МОНАСТЫРСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ПРИУРАЛЬЕ В СЕРЕДИНЕ XVI–XVII вв.

На основании как опубликованных, так и впервые введенных в научный оборот архивных документов РГАДА рассматриваются вопросы участия рода Строгановых в создании и развитии монастырей в Приуралье. Анализируются факторы, способствовавшие появлению монастырей в строгановских вотчинах, показана роль отдельных представителей рода в этом процессе. Обзорно рассматривается вопрос о развитии церковного искусства в землях Строгановых, их роль в становлении культуры региона. Также указывается благотворительная помощь известного рода русским монастырям за пределами пермских земель.

Ключевые слова: Приуралье; Пермь; Великая колонизация; вотчины; Строгановы; монастыри; вклады; храмы; иконописание; лицевое шитье.

Строгановы как один из наиболее богатых и влиятельных родов в российской истории интересовали историков еще с XIX в. В последние годы появляется большое число статей и монографий, посвященных этой теме [1–9 и др.]. В частности, среди работ последнего времени следует отметить опубликованную И.В. Купцовым наиболее полную на сегодняшний день родословную этой знаменитой фамилии [10]. Однако, несмотря на многочисленные публикации, нет отдельных работ, посвященных роли Строгановых в монастырском строительстве в Приуралье. Эти вопросы затрагиваются исследователями косвенно и не дают полноты картины.

Родоначальником пермской ветви Строгановых был Аника Федорович (рис. 1). Его предки были выходцами из новгородских земель. Первоначально Строгановы имели земли только в Перми Вычегодской. В 1519 г. они получили первую грамоту на соляные промыслы. Во второй половине XVI в. Строгановы распространили свои владения на Пермь Великую. По царским грамотам 1558 и 1564 гг. они получили здесь обширные владения по берегам Камы от устья р. Лысьвы до устья р. Чусовой, всего, по подсчетам Ф.А. Волегова, около 3,4 млн дес. По грамоте 25 марта 1568 г. им перешли по р. Чусовой более 1,1 млн дес. В 1688 г. в руках Строгановых находилось 9,5 млн дес. земли, 20 городков, свыше 200 деревень и столько же починков, более 3 000 дворов и свыше 15 тыс. душ м.п., не считая инородцев. К 1701 г. им принадлежало более 10,4 млн дес. Крупный характер царских пожалований был связан с тем, что это были пограничные, преимущественно пустующие или малозаселенные земли.

Являясь прекрасными колонизаторами, Строгановы быстро осваивали новые владения, льготами привлекали сюда крестьян, в том числе бежавших из Средней России, разоренной опричниной Ивана Грозного. Колонизация Строгановыми пермских земель происходила обычно следующим образом. В пожалованных царем землях ими устраивались соляные варницы, затем строились для их охраны укрепленные городки, основными среди которых были Орел-городок, Канкор (Пыскор) и Чусовские городки. Также они держали за свой счет пушкарей и пищальников для «береженья от ногайских людей и других орд».

Основное богатство рода было связано с вываркой соли. Немалую роль играла и меновая торговля с

местными племенами. За значительную помощь русским государям в 1610 г. они единственные в стране получили звание именитых людей. Вместе со званием приобрели и многие привилегии, в частности Строгановы неподсудность местным властям (они судились непосредственно царским судом), право строить города и крепости, содержать ратных людей, отливать пушки, беспошлинно торговать с инородцами, судить своих людей, обладали многими налоговыми льготами. Историки нередко сравнивали владения Строгановых с «государством в государстве» со своими законами, установлениями, вооруженными силами и управлением, независимым от царских наместников и воевод. Они имели право сноситься по многим вопросам непосредственно с государственными учреждениями в Москве, минуя местную администрацию [11. С. 153–154; 7. С. 3, 91–106].

Д. Флетчер, побывав в России в правление Федора Ивановича в конце XVI в., писал о Строгановых: «Капитала у них, как полагали, было до 300 000 рублей наличными деньгами, кроме земель, скота и другого товара... В продолжение целого года у них работали десять тысяч человек, занимаясь добыванием соли, перевозом тяжестей на телегах и барках, рубкой леса и т.п., кроме, по меньшей мере, 5 000 душ крестьян, живших в деревнях и обрабатывавших землю их. У них были свои лекаря, хирурги, аптекари и всякие ремесленники из голландцев и других иноземцев. Говорят, что царю платили они ежегодно до 23 000 рублей (почему им и дозволено было производить торговлю) и, кроме того, содержали несколько гарнизонов на Сибирской границе, близкой к ним... Имена их были: Яков, Григорий и Симеон Строгановы, сыновья Аники» [12].

Строгановых связывали с приуральскими землями не только экономические отношения. Несмотря на то что это был один из самых «деловых» родов России того времени, духовная жизнь всегда оставалась важной стороной их бытия. Колонизация сопровождалась активным церковным строительством. Осваивая новые земли, Строгановы возводили здесь храмы и монастыри. Более того, в 1565 г. от московского митрополита Строгановы получили право проводить, опираясь на братию Пыскорского монастыря, крещение коми-пермяцкого населения своих вотчин [13. С. 37].

Рис. 1. Род Строгановых

Первым положил начало традиции монастырского строительства Аника Строганов (1497–1569). Во второй половине XVI в. со своими сыновьями и внуками он основал в Перми Великой Пыскорский и Чусовской монастыри. Особое отношение к монашеству было заложено в него, вероятно, еще его родителями – Федором Лукичем и Евфимией Кузьминичной, которые незадолго до смерти приняли монашество, равно как стала монахиней и его бабушка – Мария Дементьевна (Юрьева) [10. С. 12].

Примерно в 1558 г. Аника строит городок Конкор (Камкор), который предназначался для защиты строгановских земель от набегов сибирского хана. В том же году он начинает строить у городка **Спасо-Преображенский Пыскорский монастырь**. Сначала он располагался под горой, у р. Нижней Пыскорки, а позднее был перенесен на гору. Вскоре после смерти своей второй жены Софьи Андреевны в 1567 г. по примеру родителей он принял постриг с именем Иоасаф в основанной им Пыскорской обители. Однако монашеские правила в полной мере он, вероятно, не соблюдал: от семьи не удалился, жил вместе с младшим сыном Семеном в Сольвычегодске. Здесь он занимался составлением родового синодика и чтением духовной литературы (он обладал одной из лучших частных библиотек в России, в которой было около 500 книг), уделял время церковному песнопению. Спустя два года он скончался и был погребен в Сольвычегодске в Борисоглебском монастыре [7. С. 94–95; 10. С. 13]. Он не только обеспечил этот монастырь первыми землями, но и завещал своим детям заботиться о новой обители, подав им пример монастырского строительства.

Строгановы стали главными благотворителями и «благоукрасителями» монастырских храмов. В одной из царских грамот 1621 г. Пыскорский монастырь называется строением Аникия Строганова, его детей Якова, Григория и Семена и внуков Максима, Никиты, Андрея и Петра, которые не только построили храмы, но и дали монастырю «леса, и пожни, и иные угоды» [14. Л. 1]. По завещанию 18 января 1686 г. Анна Никитична, супруга Федора Петровича, одна из самых известных благотворительниц великопермских монастырей, завещала 5 тыс. руб. Пыскорской мужской обители «на построй церкви и больным старцам кельи каменным строением» [15. С. 173–174].

Среди пожертвований, хранившихся в Пыском монастыре в 1702 г., были указаны, в частности, следующие вклады Строгановых последней четверти XVII в.: образ Одигитрии с цатой, жемчугом и сребропозлащенной ризой (окладом), риза (фелонь) желтой камки, вложенные Григорием Дмитриевичем; оклад с жемчугом для иконы Божией Матери с золотыми привесами – приклад Анны Никитичны, супруги [16. Л. 2 об.– 4 об.].

При этом у Строгановых со своими монастырями могли быть и чисто деловые отношения. Так, по приходно-расходной книге 1688/89 г. у Григория Дмитриевича Строганова Пыскорский монастырь взял кабальный займ в размере 4 455 руб. и в том же году заплатил по кабалам 5 059 руб. В то же время монастырь предоставил ему в оброк некоторые монастырские земли [17. Л. 174 об., 181]. В 1694/95 г. монастырь обменялся с тем же Г.Д. Строгановым некоторыми землями [18. Л. 13].

Выступая в роли ктиторов Пыскорского монастыря, Строгановы оговорили особые условия для своего

рода и своих людей при пострижении: принимать монашество им было позволено без вклада. Примечательно, что в 1703 г. в синодике церкви Орла-городка, где был записан род Строгановых, 36 представителей рода были указаны в монашеском чине схимников [19. С. 184–186]. Правда, следует иметь в виду, что большинство из них приняло постриг в стенах «родового» Сольвычегодского Введенского монастыря, а не в Перми Великой. Преподобный Трифон Вятский, исцеливший сына Якова Аникиевича Максима, как «человек Строгановых», вероятно, также был пострижен в Пыскорском монастыре по их разрешению «безвкладно», хотя его постриг был совершен еще до появления этого указа.

Пыскорский женский монастырь появился позднее мужского – в конце XVI – начале XVII в. Впервые он упоминается в 1623 г.: «Да на посаде под горою в девичьем монастыре церковь Изосима и Савватия Соловецких чудотворцев деревянная клецки». По-видимому, он был основан на том месте, где первоначально располагался мужской монастырь и где оставалась Преображенская церковь. В переписи Кайсарова не говорится о том, что это было «строение Строгановых». Но поскольку обитель располагалась на их землях, то и создавалась не без их помощи. Кроме того, она находилась под покровительством мужского монастыря и частично им содержалась. Также архимандриты мужской обители занимались строительством храмов и келий в женском монастыре.

Вдова Федора Петровича (внука Семена Аникиевича) Анна Никитична в 1686 г. построила в монастыре Введенскую церковь по завещанию своего супруга. Вместе с церковью были сооружены ограды вокруг монастыря и десять келий, по завещанию жертвователя: «А в дев(ич)ье подгорном монастыре на Пыскоре обещался Феодор Петрович построить церковь и старицам дес(ят)ь келий и ограду деревянным строением и на той построй Пыскорского монастыря архимандрита Пафнутия, или кто по нем иные архимандриты с братией в том монастыре будут по сей памяти Феодора Петровича Спасу обещанные деньги в монастырь 5 000 руб. из живота его взять на том, кто вотчиною мужа моего Феодора Петровича учнет владеть». Заложил церковь архим. Пафнутий, а окончил и освятил 2 августа 1687 г. его преемник архим. Изосим. Впоследствии и сам монастырь по названию этого храма получил название Введенского [20. С. 439–441]. На именование, возможно, повлияло название монастыря в Строгановской столице – Сольвычегодске. В том же 1686 г. две трети имени мужа она передала своему племяннику Григорию, сыну Дмитрия Андреевича, оставив себе «на прожиток» треть. Спустя два года, в 1688 г., она скончалась [7. С. 106].

В иных условиях, чем Пыскорские монастыри, создавалась **Чусовская Успенская пустынь**. Возникновение обители было связано с именем преп. Трифона Вятского. Он прибыл в чусовские земли, избранные им для «иноческих подвигов», в 1572 г. Незадолго до этого, в 1568 г., земли по р. Чусовой и вниз по Каме были пожалованы царем Якову Строганову, который

заложил в среднем течении р. Чусовой на левом ее берегу укрепленный городок Чусовской «для охраны и бережения» варниц (впоследствии этот городок получит название Нижнего Чусовского городка). В тех местах в 1579 г. располагалось 5 деревень, 16 починков, слобода и городок [21. С. 82, 85].

На противоположном от Нижне-Чусовских городков крутом берегу р. Чусовой Строгановы определили преп. Трифону пустынное место для уединенной жизни. В глазах местного сообщества это было сакральное пространство, населенное нечистыми духами: «...бе же на горе той живяше демон лют зело и хотя по той горе и кричаше нелепым гласом, и аще кто от ту живущих потребы ради некия въздет на гору ону, внезапно таковой бесом одержим бываше и сходящее с горы в недуг впадает. Святый же отец наш Трифон, имея дерзновение к Богу, творяше молитвы непрестанны о изгнании лютаго того демона, еже бы не быти ему в месте оном, место же то часто кропяше святою водою; и тако... изыде той бес от места того» [22. С. 53]. Преподобный освящает это место, установив часовню во имя святой Софии Премудрости Божией: «Дом молитвенный, сиречь часовню, и украси ю святыми иконами и книгами» [Там же. С. 54].

Личность монаха-подвижника привлекала жителей окрестных селений, желавших получить наставление или исцеление: «начаша приходити к преподобному молитв ради и благословения и поучением святаго пользовахуся мнози». Также «различными недуги одержимии мнози прихождаху ко преподобному Трифону и молитвами его исцеление получаху». Житие приводит примеры исцелений местного населения – из поселений Калинин Луг, Сылва, в том числе от беснований и слепоты [Там же. С. 54–57]. Посещали его не только русские, но и проживавшие здесь племена манси (устар. – вогулы), желавшие принять христианство: «И мнози вогуляты прихождаху крестисяся» [23. С. 51]. Таким образом, пустынь не только отвечала на духовные запросы русского населения, но и со временем приобрела миссионерскую функцию.

Первоначально преп. Трифон жил монахом-отшельником. Но со временем около него поселились другие монахи-отшельники [24. С. 52]. Так постепенно преп. Трифон из монаха-отшельника становился старцем, на которого возлагался труд духовного руководства.

Возник ли Чусовской монастырь во время пребывания на этом месте преп. Трифона? На этот вопрос нельзя ответить однозначно. Если в редакции П.Д. Шестакова жилище преподобного не именуется монастырем, то в более ранней редакции, опубликованной И.М. Осокиным, говорится о том, что люди приходили в монастырь [23. С. 45–46]. В обеих редакциях жития точное время не называется, указывается только, что он был основан после того, как там был поставлен молитвенный дом: «Святый ж постави ту дом молитвенный во имя Успения пречистыя Богородицы и усекновения честныя Главы святаго Иоанна Предтечи. Последи ж (после, спустя какое-то время. – прим. авт.) молитвами преподобнаго на том месте и монастырь создася, даже и доднесь всем яве

есть. Невмале бо времени бысть тако, но исперва на том месте преподобный поживе в безмолвии в посте и во бдении и всеношном стоянии в нищете и в трудах и слезах, непрестанных молитвах» [Там же. С. 44].

В любом случае местное население надеялось на создание преп. Трифоном в этих местах монастыря. Однако братия вокруг него не собиралась, что стало поводом для обвинений преподобного и изгнания его из этих мест. При том что само население далеко не всегда отличалось добрым нравом. О них житие пишет: «Видев же преподобный Трифон... ту живущий мнози людие, не веи ким (неизвестно каким. – прим. авт.) обычаем» [23. С. 51]. Также преподобный жаловался, что «от господина вашего стало отныне аз во утеснении» [Там же. С. 52]. Последняя фраза свидетельствует о том, что к изгнанию и притеснениям преп. Трифона был причастен Семен Строганов. Он был человеком сложного характера, у него сложились непростые отношения даже со своими братьями. В отличие от Якова и Григория, которые чтит преподобного (так, Яков Строганов был благодарен ему за исцеление сына Максима) и дали ему землю, он стремился его изгнать с р. Чусовой. После смерти братьев-покровителей в 1577 г. преп. Трифон остался без защиты и был вынужден удалиться из-за недовольства Семена Аникиевича и его крестьян. Непосредственным поводом к изгнанию послужил случай, когда по вине Трифона сгорели дрова, заготовленные крестьянами для строгановских солеварниц. Крестьяне чуть не убили преподобного, сбросив его с крутой горы, а Строганов заключил его в темницу. Семен Аникиевич, по словам автора жития, разыскав преподобного, много оскорблял и поносил его «в горести сердца своего». Однако потом, раскаявшись, попросил у него прощения и отпустил его. Все это побудило преп. Трифона покинуть это место. Чтобы народ по-прежнему приходил в храм, он оставил вместо себя «...на сем месте строителя ученика своего именем Ивана» [Там же. С. 52]. Судя по времени прибытия преп. Трифона в г. Слободской, он покинул Чусовую в конце 1579 г.

Какова была роль Строгановых в основании Чусовского монастыря? Монастырь располагался на их землях, и без их разрешения основание его было невозможно. Более того, они официально владели им, являясь его ктиторами. Безусловно, без помощи Строгановых он не мог развиваться. В то же время первые кельи и часовня, по-видимому, были построены преп. Трифоном. Автор жития, перечисляя иконы в храме, указывает на то, что «все то строение преподобного Трифона» [Там же]. Хотя и отрицать помощь Строгановых при создании обители тоже нет достаточных оснований, особенно если она официально была основана уже после того, как преп. Трифон покинул эти места.

Более того, по писцовым книгам М. Кайсарова 1623/24 г. Чусовской монастырь именовался «строением» Ивана (1592–1644) и Максима (1603–1627) Максимовичей Строгановых – внуков Якова Аникиевича. Однако однозначно говорить о том, что они основали обитель, нельзя. Данная фраза могла указы-

вать только на то, что они воздвигли в нем храмы и другие строения. Не случайно в 1647 г. монастырь уже был назван «Данила же Строганова строением» [10. С. 45, 48; 21. С. 86–87]. В любом случае можно утверждать, что он существовал не без их материальной помощи. О причастности Строгановых к основанию обители свидетельствует и прикладная запись 1697 г. В ней Григорий Дмитриевич Строганов с супругой сообщают, что «в прошлых давних годах» их предки Строгановы «милости ради великаго Бога и своево ради телеснаго спасения» приложили земли и построили обитель в имя Успения Богородицы, Иоанна Предтечи и вмч. Параскевы Пятницы, и обители были даны от них земли, где позднее были построены деревни [25. Л. 1].

Благодаря Строгановым Чусовской монастырь имел свои земельные владения. По переписи Кайсарова 1623/24 г., обитель имела скотный двор, 32 чети «пашни паханые, а в дву по тому же», 380 копен сена выкашивалось на р. Чусовой. Монастырю принадлежали также 2 деревни – д. Мыс и деревня на р. Чусовой, починок Оглово на Косьюинском ручье, в которых было 8 дворов и 9 человек, 15 четвертей пашни и 220 копен сена. Земли были «середние» [21. С. 86–87].

Та же перепись дает представление о внутреннем устройстве храмов, украшенных Строгановыми, и иных воздвигнутых ими монастырских постройках: «Храм Успения Пречистыя Богородицы древян клецки вверх шатром, да предел Усекновение честные Главы святого Иоанна Предтечи, а в них образов местных: образ Успения Пречистыя Богородицы на золоте, а у нее двои серги серебряны с камышки; образ Софея большая пядница на золоте; образ Пречистыя Богородицы Успение, а у нее венец сканной с финифты, гривна басменная, пятеры серги серебряны с камышки; образ Пречистыя Богородицы Одегитрие на празелени, а у него венец низан жемчугом, да 2 цаты низаны жемчужком же мелким, да 4 серги серебряны с камышки, да в пределе образ Усекновение честные Главы Иоанна Предтечи на золоте, а у него венец басменный, да 4 креста серебряных; образ местной Парасковей, нарицаемые Пятницы большая пядница на золоте, а у нее венец басменный, да 2 гривны басменных обниз и цата низан жемчужком мелким, да трое серги серебряны с камышки, да 9 крестов серебряных; да пред местными образы 3 свечи поставленных с краски, сосуды церковные оловянные; воздух и покровцы зендевинные, престол обложен выбойкою; Евангелъе печать литовская оболочено бархатом, евангелисты серебряны басменные золоченые, ризы полотняные, оплечье и ердань бархат червчат; служебник печать литовская, Евангелъе толковое письменное, триоди цветная и постная письменные, апостол печать литовская тетр, две псалтыри, одна печатная, а другая письменная, часовник, тrefолой, два пролога во весь год, соборник; да на колокольнице 5 колоколов. Да в монастыре ж 5 келей, в них поп черной Иосиф, да 23 человека черных старцев, да 4 кельи, а в них живут черные старицы» [Там же. С. 86].

В дальнейшем владения монастыря расширялись незначительно: в 1642 г., по переписи Ф. Чемезова,

когда Чусовской монастырь принадлежал Даниилу Ивановичу Строганову, к монастырю были приписаны монастырская слободка, 2 деревни, 14 дворов и 57 человек м.п., в том числе 4 церковных [15. С. 81].

С 1668 г. Успенский монастырь вместе с В.-Чусовским городком и его округом поступил во владение Агафьи Тимофеевны с дочерью Анной Даниловной [15. С. 155]. По переписи строгановских владений 1682 г. по случаю передачи Анной Даниловной Строгановой своих имений двоюродному брату Григорию Дмитриевичу среди владений значится и Успенский монастырь на Чусовской с приписными к нему крестьянами Строгановых [21. С. 87].

Вплоть до конца XVII в. Строгановы опекали монастырь и давали ему привилегии и льготы. Так, 25 ноября 1697 г. была дана прикладная запись Григорием Дмитриевичем и Марией Яковлевной Строгановыми. Они сообщали, что при основании монастыря Строгановы дали ему земли, где сейчас построены деревни и поселены крестьяне. Но, работая на монастырь, они оставались «людьми Строгановых», продолжая в их пользу нести разные повинности: «И те крестьяне изстари давали в той монастырь с пашен своих всякого хлеба четвертую меру да делали на нас дровяное зделье как и наши крестьяне. И ныне мы... сие разсудихом несправедно что тем монастырским крестьяном быти нами обладаемы и сего ради мы указом чусовских своих городков приказным своим людем Харитону Цывилину с товарищи и по нем иным хто будет, чтоб быти тем крестьяном по прежнему за монастырем, дровяного зделья на них... никакого нипочему ненакладывать и ни на какие зделья и поделки и на наши службы никуда не спрашивать, необладаема будет и ниже насилуема Церковь, но свободна. А тем вышеписанным монастырским крестьянам быть за монастырем по прежнему и давати им со своих пашен в монастырь третью меру всякого хлеба и делати им всякие поделки в монастырь что прикажет строитель и братия без ослушания и во всем быть им послушным... ослушающиеся ж их строителя и братии да примут от них строителя з братиею наказание какого хто достоин». Те же, кто хотел бы продолжать заготавливать дрова для Строгановских варниц, мог работать по подряду по договорной цене. Таким образом, в результате пожалования монастырю уже шла не четвертая, а третья часть приплодного крестьянского хлеба [25. Л. 1–2].

Во второй половине XVII в. Строгановыми в великопермских землях были основаны еще два монастыря – Шеринская и Оханная пустыни.

Об основании **Оханной Зосимо-Савватиевской пустыни** сохранилось немного сведений. В 1647 г. в переписи строгановской вотчины впервые упоминается починок на берегу р. Камы с 4 дворами, жители которого в основном занимались рыболовством. Возле этого починка «на Охани» (охань – орудие лова, сеть) расположилась монашеская пустынь. Ряд историков относят ее основание к 1650 г., но документального подтверждения этому нет. Выбор охани, по видимому, был определен не столько стремлением монахов к уединению, сколько практической целью: место располагало к развитию земледелия, промыслов

и торговли. Есть письменное сообщение, что «до 1663 г. было здесь селение господ Строгановых, заведенное для рыбной ловли и называемое охань. Потом основан в нем монастырь» [26. С. 344].

Впервые «Соловецкая пустынь Оханской монастырь над рекою Камою» упоминается в переписной книге Очерского округа строгановских вотчин 1678 г. В ней было отмечено 2 церковных двора, где проживало 7 вкладчиков, 18 крестьянских дворов и скотный двор. А.А. Дмитриев предположил, опираясь на ее название, что она была основана выходцами из Соловецкого монастыря [15. С. 160]. Однако для этого нет оснований: в монастыре, как известно, была церковь в честь Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев – святых, почитаемых по всей Руси. Также пустынь называлась Богородицкой [27. С. 516], по именованию одного из храмов монастыря Успенским [28. Л. 846].

Гораздо больше сведений о создании **Шеринской (Шеринской, Шервинской) Одигитриевой пустыни**. Она располагалась в 45 верстах к северо-западу от Оханной, на одном из притоков р. Нытвы. Инициатором постройки стала Анна Никитична – вдова Федора Петровича Строганова. На ее прошение 28 июля 1675 г. владыка Вятский и Великопермский Иона выдал грамоту, в которой позволил ей построить церковь во имя образа Пресвятой Богородицы Одигитрии и основать там монастырь: «В вотчине ея на реке Щерье лес ронить на церковь Одигитрии Пр(е)с(вя)тыя Б(огоро)д(и)цы и церковь вновь срубить и на освящение тое церкви дать с(вя)тый антиминс и миро и масло и как та церковь совсем совершится и ко освящению изготвится ис тоей церкви по правилу освятить попу со диаконом а как та церковь построена и освящена будет и у той церкви благословити бы и велети бы ей построить м(о)н(ас)т(ы)рь» [29. Л. 1–2]. «На кормление братии» Анна Никитична «...приложила Нытву реку с устия изо вершины рыбные ловли и с санными покосы и пашенные земли и хмели щипать и возле Каму реку с уст Сюзвы вниз по Каме реке по правой стороне до голова мысу санными покосы и на усть речки Шерьи деревню с крестьянами» [30. Л. 1].

Однако не прошло и двух лет, как старец Пафнотий с вкладчиками («последняя ваша нишета») попросил Анну Никитичну и ее дочь Марфу Федоровну пожаловать их земельными владениями. 15 марта 1677 г. новая обитель получила от своих покровительниц места по р. Каме и рыбную ловлю в озерке Копанце, «где бы рыбы весною половить на братью». Также ему была передана Аврамовская гарь, напротив которой было позволено построить скотный двор «и сено косить про монастырской обиход», а также Спириная гарь вверх по Шерье, где обители было указано «владеть той пашней» и «крестьян поселить» [31. Л. 1–1 об.].

Спустя 8 лет, 26 мая 1685 г., Анна Никитична пожаловала строителю Назарию и черному попу Евстратию с братией по челобитной прежнего настоятеля старца Гурия по обещанию своего покойного супруга Федора Петровича «блаженные памяти его» деревни при р. Устье с крестьянами («их пожитки с хлебом и со скотом») с санными покосами и рыбными

ловлями. Условием вклада стало традиционное поминовение родных: «...помянуть Федора Петровича и его сродников вечно, а Бог по душу мою пошлет и меня помянуть вечно» [32. Л. 1–1 об.].

В мае 1687 г. уже новый владелец земель по р. Шерье – Григорий Дмитриевич Строганов с супругой Василисой Ивановной пожаловал «строителя старца Гавриила да черного священника Евстрата да казначея Ивана Гарасимова и всю братию и болнишных старцов» рыбными ловлями и санными покосами по р. Каме, с условием «праведных ваших родителей помянуть». Строгановы пожаловали монастырь «на р. Нытве санными покосами, Шерьинскою деревню с крестьянами... вечно, без всякого премянения и нарушения» [30. Л. 1].

Основанные Строгановыми монастыри становились **культурными центрами** пермской земли. Начало строгановскому иконописанию было положено в Сольвычегодске. В 1560 г. там был построен домовый храм, при котором располагались иконные «горницы» – мастерские. Сложился особый строгановский стиль, который отличали изысканный колорит, проработка деталей, миниатюрность в изображении фигур, обилие серебра и золота. Этот стиль впоследствии распространился по всему Уралу.

Сравнение великопермских и сольвычегодских произведений говорит о том, что в первые строгановские храмы и монастыри Перми Великой иконы привозились из Сольвычегодска. Первая иконописная мастерская на Урале возникает в Пыскорском Преображенском монастыре. Здесь известные изографы и резчики, в том числе приглашенные Строгановыми из Москвы, обучали местных мастеров. Впоследствии были устроены иконописные мастерские при Чердынском Богословском монастыре, в Соликамске и Орлегородке. Сольвычегодские иконы стали своего рода образцом для пермских.

Иконы посвящались покровителям рода Строгановых. Строгановскими иконописцами были Истома Савин с детьми Назарием и Никифором, Семен Хромой, Емельян Москвитин, Прокопий Чирин, работы которых хранятся в Перми, Сольвычегодске и других городах. Наиболее монументальным является сохранившийся иконостас Пыскорского монастыря в Пермской художественной галерее.

Помимо иконописных мастерских в конце XVII в. в строгановских вотчинах получает распространение изготовление финифти – расписной миниатюры на эмали [6. С. 8, 10–11, 297; 7. С. 100–101, 106].

Также в Сольвычегодске зарождается особая усольская школа церковного пения, основателем которой считался появившийся у Строгановых в 1580-е гг. клирошанин – знаменитый композитор и распевщик Иван Лукошков, впоследствии архимандрит Владимирского Рождественского монастыря. В середине XVII в. «мастером певческого дела» в Сольвычегодске стал Фаддей Субботин. В 1670-е гг. крупный композитор Н.П. Дилецкий обучал хор Григория Дмитриевича новому партесному пению, и уже в 1689 г. царевна Софья приказала прислать в Москву «самых лучших спеваков партесного пения» из пермских вотчин

Г.Д. Строганова. Этот факт, наряду с распространением здесь произведений строгановского лицевого шитья, свидетельствует о преемственности и единстве культурного пространства строгановского Вычегодского и Камского Усолья.

Важной сферой деятельности Строгановых было книжное дело. Их библиотека считалась крупнейшим частным собранием книг в России XVI–XVII вв. У Строгановых велось описание книг, была создана своя школа каллиграфического искусства, где книги создавались и переписывались.

Еще одним направлением церковного искусства стало строгановское лицевое шитье. Оно признавалось одной из лучших русских школ и в значительной мере определило его развитие. Изделия золотошвейных мастерских были известны далеко за пределами строгановских владений [4; 5. С. 8–9]. Следует отметить, что руководили ими обычно женщины из рода Строгановых. В совершенстве овладев искусством золотого шитья, они не только работали сами, но и обучали мастериц. Вышивали в основном предметы церковной утвари: плащаницы, покровцы, воздухи, пелены, а также облачение. Предметы отличала тщательность работы и тонкий художественный вкус [7. С. 95].

Жизнь жен и дочерей Строгановых была тесно связана с монастырями: они были известными благотворительницами и даже основательницами пермских обителей, многие из них впоследствии приняли монашеский постриг (см. рис. 1). Также следует отметить их грамотность. Например, дочь Никиты Григорьевича – схимонахиня Татьяна – собственноручно переписала Евангелие, которое ее отец вложил «для своего поминовения заздравного и для своих родителей за упокой» в церковь Орла-городка в 1603 г. [33. С. 73].

Колонизация Приуралья, его экономическое освоение сопровождалось закреплением новых территорий, в том числе и в церковном отношении. Традиция монастырского строительства в землях Перми Великой, заложенная Аникой Строгановым, получила развитие на протяжении последней трети XVI–XVII в. Храмы и монастыри создавались в первую очередь для обслуживания духовных потребностей русского населения, пришедшего на новые земли. Но со временем некоторые обители стали приобретать миссионерские функции. В землях Перми Великой, в своих новых вотчинах Строгановы основали пять обителей: Пыскорские мужской и женский монастыри, а также Чусовскую, Шерьинскую и Оханную пустыни. Являясь владениями Строгановых, монастыри оставались в орбите их хозяйственных отношений.

Огромные прибыли от соляного промысла позволяли Строгановым тратить значительные средства на возведение и украшение храмов. Ими были заведены иконописные и золотошвейные мастерские, которые позволили сформироваться особому строгановскому стилю в церковном искусстве. Также формируется «строгановская школа» в музыке и архитектуре.

Все это позволяет сделать вывод о том, что Строгановы играли ведущую роль в монастырском строительстве Приуралья в XVI–XVII вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. Устрялов Н.Г. Именитые люди Строгановы. СПб., 1842.
2. Дмитриев А. Пермская старина. Пермь, 1892. Вып. 4.
3. Введенский А.А. Дом Строгановых в XVI–XVII веках. М., 1962.
4. Парфентьев Н.П., Парфентьева Н.В. Усольская (Строгановская) школа в русской музыке XVI–XVII вв. Челябинск, 1993.
5. Силкин А.В. Строгановское лицевое шитье. М., 2002.
6. Иконы Строгановских вотчин XVI–XVII веков. М., 2003.
7. Эйриян Т. Из рода Строгановых. Екатеринбург, 2003.
8. Мезенина Т.Г., Мосин А.Г., Мудрова Н.А., Неклюдов Е.Г. Род Строгановых: культурно-исторические очерки. Екатеринбург, 2007.
9. Мезенина Т.Г. Пермские владения Строгановых в XVIII – первой половине XIX вв.: особенности пространственной и социально-экономической организации. Нижний Тагил, 2011.
10. Купцов И.В. Род Строгановых. Челябинск, 2005.
11. История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989.
12. Флетчер Д. О государстве Русском, или Образ правления русского царя, с описанием нравов и обычаев жителей этой страны. URL: http://nehrhist.at.ua/page/doc_fletcher.htm, свободный (дата обращения: 14.07.2014).
13. Головчанский Г.П., Мельничук А.Ф. Строгановские городки, острожки, села. Пермь, 2005.
14. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 281. Оп. 17. Д. 11210.
15. Дмитриев А.А. Пермская старина. Пермь, 1890. Вып. 2.
16. РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 48.
17. РГАДА. Ф. 281. Оп. 17. Д. 11440.
18. РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 55.
19. Дмитриев А.А. Пермская старина. Пермь, 1895. Вып. 6.
20. Словцов И., свящ. Пыскорский Преображенский Ставропигиальный 2-го класса монастырь // Пермские епархиальные ведомости. 1867. № 28. Часть неоф.
21. Осокин И.М. Места подвигов преп. Трифона Вятского в Пермском крае // Труды Пермской ученой архивной комиссии. 1902. Вып. 5.
22. Житие преподобного отца нашего Трифона, Вятского чудотворца / публ. П.Д. Шестакова. Казань, 1868.
23. Житие преподобного отца нашего Трифона Вятского чудотворца / публ., предисл. И.М. Осокина // Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вятка, 1912. Вып. I–II, отд. II.
24. Материалы для истории Пермского края // Памятная книжка Пермской губернии на 1863 г. Пермь, 1862. Отд. 2.
25. РГАДА. Ф. 281. Оп. 17. Д. 11447.
26. Чагин Г.Н., Шилов А.В. Уездные провинции Кунгур, Оса, Оханск. Пермь, 2007.
27. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1914. Т. 5.
28. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1497.
29. РГАДА. Ф. 281. Оп. 20. Д. 14242.
30. РГАДА. Ф. 281. Оп. 20. Д. 14295.
31. РГАДА. Ф. 281. Оп. 20. Д. 14249.
32. РГАДА. Ф. 281. Оп. 20. Д. 14280.
33. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987.

Статья представлена научной редакцией «История» 9 июня 2015 г.

THE STROGANOVS AND MONASTERY CONSTRUCTION IN THE URALS IN THE MID-16TH AND 17TH CENTURIES

Tomsk State University Journal, 2016, 402, 71–78. DOI: 10.17223/15617793/402/11

Kustova Elena V. Vyatka State University for the Humanities (Kirov, Russian Federation). E-mail: kustovael@yandex.ru

Keywords: Ural region; Perm; great colonization; fiefdoms; the Stroganovs; monasteries; contributions; churches; iconography; pictorial embroidery.

The central topic of the article is the question of the Stroganov family participation in the creation and development of monasteries in the Urals. Based on both published and first introduced into scientific use archival documents of the Russian State Archive of Ancient Acts, factors that contributed to the emergence of monasteries in the Stroganov patrimonies are analyzed, the role of individual members of the family in the process is shown. The overview discusses the development of religious art in the Stroganov lands, their role in the development of culture in the region. It also indicates the famous family's contribution to Russian monasteries outside the Perm land. Colonization of the Urals and its economic development were accompanied by fixing new territories, including in relation to the church. The richest Stroganov family was the main colonizer of the Urals. The tradition of monastery building on the lands of Great Perm, started by Anika Stroganov, developed during the last third of the 16th and in the 17th centuries. Churches and monasteries were built to primarily serve the spiritual needs of the Russian people who came to the new land. But over time, some monasteries acquired the missionary function. In Great Perm, in their new patrimonies, the Stroganovs founded five monasteries: two Pyskorsky, Chusovskoy, Sherinsky and Okhanny. Traditionally, they were based in fortified towns which had military protection. The Stroganovs did not only erect buildings, but also provided them with lands and salt works, which allowed to support the monks. Belonging to the Stroganovs, monasteries remained part of their economic relations. Huge profits from salt works allowed the Stroganovs to spend considerable money on the construction and decoration of temples. They opened icon-painting and gold-embroidery shops that formed a special Stroganov style in church art. The Stroganov School in music and architecture was also formed. The Stroganovs were also engaged in book business. Their library was considered the largest private collection of books in Russia in the 16th–17th centuries. The Stroganovs made descriptions of the books, created their school of calligraphy, where the books were written and copied. The Stroganovs not only built monasteries, were their benefactors, but many also became monks themselves. Kitors of the Pyskorsky monastery, the Stroganovs set special conditions for their family and people when going into convent: they did not have to make a contribution. The study leads to a conclusion that the Stroganovs played a leading role in the construction of monasteries in the Urals in the 16th–17th centuries.

REFERENCES

1. Ustryalov, N.G. (1842) *Imenitnye lyudi Stroganovy* [Famous people, the Stroganovs]. St. Petersburg: v tipografii shtaba voenno- uchebnykh zavedeniy.
2. Dmitriev, A. (1892) *Permskaya starina* [The old of Perm]. V. 4. Perm.
3. Vvedenskiy, A.A. (1962) *Dom Stroganovykh v XVI–XVII vekakh* [The house of the Stroganovs in the 16th–17th centuries]. Moscow: Sotsekgiz.
4. Parfent'ev, N.P. & Parfent'eva, N.V. (1993) *Usol'skaya (Stroganovskaya) shkola v russkoy muzyke XVI–XVII vv.* [The Stroganov school in Russian music in the 16th–17th centuries]. Chelyabinsk: Poligr. Ob"edinenie Kniga.
5. Silkin, A.V. (2002) *Stroganovskoe litsevoe shit'e* [The Stroganovs' pictorial embroidery]. Moscow: Progress-Traditsiya.
6. Trubacheva, M.S. et al. (2003) *Ikony Stroganovskikh votchinn XVI–XVII vekov. Po materialam restavratsionnykh rabot VKhNRTs imeni akademika I.E. Grabarya: Katalog-al'bom* [Icons of the Stroganov estates in the 16th–17th centuries. By the materials of restoration work of Academician I.E. Grabar: A Catalog Album]. Moscow: Skanrus.
7. Eyriyan, T. (2003) *Iz roda Stroganovykh* [Of the Stroganov family]. Ekaterinburg: Ural'skiy Rabochiy.
8. Mezenina, T.G. et al. (2007) *Rod Stroganovykh: kul'turno-istoricheskie ocherki* [The Stroganov family: cultural and historical essays]. Ekaterinburg: ID "Sokrat".
9. Mezenina, T.G. (2011) *Permskie vladeniya Stroganovykh v XVIII – pervoy polovine XIX vv.: osobennosti prostranstvennoy i sotsial'no-ekonomicheskoy organizatsii* [The Perm possessions of the Stroganov family in the 18th – first half of the 19th centuries: features of spatial and socio-economic organization]. Nizhniy Tagil: Nizhniy Tagil State Social-Pedagogical Academy.
10. Kuptsov, I.V. (2005) *Rod Stroganovykh* [The Stroganov family]. Chelyabinsk: Kamennyy poyas.
11. Preobrazhenskiy, A.A. (ed.) (1989) *Istoriya Urals s drevneyshikh vremen do 1861 g.* [The history of the Urals from ancient times to 1861]. Moscow: Nauka.
12. Fletcher, D. (c. 1906) *O gosudarstve Russkom, ili Obraz pravleniya russkogo tsarya, s opisaniem nrayov i obychaev zhitel'ey etoy strany* [Of the Russe Common Wealth]. [Online]. Available from: http://nehris.at.ua/page/doc_fletcher.htm. (Accessed: 14 July 2014).
13. Golovchanskiy, G.P. & Mel'nichuk, A.F. (2005) *Stroganovskie gorodki, ostroyki, sela* [The Stroganov towns, outposts and villages]. Perm: Knizhnyy mir.
14. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 281. List 17. File 11210. (In Russian).
15. Dmitriev, A.A. (1890) *Permskaya starina* [The old of Perm]. V. 2. Perm: Tipografiya P.F. Kamenskogo.
16. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 237. List 1. File 48. (In Russian).
17. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 281. List 17. File 11440. (In Russian).
18. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 237. List 1. File 55. (In Russian).
19. Dmitriev, A.A. (1895) *Permskaya starina* [The old of Perm]. V. 6. Perm: Tipografiya P.F. Kamenskogo.
20. Slotsov, I. (1867) *Pyskorskiy Preobrazhenskiy Stavropigial'nyy 2-go klassa monastyr'* [Pyskorsky Transfiguration Stavropegic 2nd Class Monastery]. *Permskie eparkhial'nye vedomosti*. 28.
21. Osokin, I.M. (1902) *Mesta podvigov prep. Trifona Vyatskogo v Permskom krae* [Places of feats of rev. Trifon of Vyatka in Perm Krai]. *Trudy Permskoy uchenoy arkhivnoy komissii*. 5.
22. Shestakov, P.D. (1868) *Zhitie prepodobnago ottsa nashego Trifona, Vyatskago chudotvortsy* [The life of our venerable father Trifon, a Vyatka wonderworker]. Kazan: Universitetskaya tipografiya.
23. Osokin, I.M. (1912) *Zhitie prepodobnago ottsa nashego Trifona Vyatskago chudotvortsy* [The life of our venerable father Trifon, a Vyatka wonderworker]. *Trudy Vyatskoy uchenoy arkhivnoy komissii*. I–II. Pt. II.
24. Penn, S. (ed.) (1862) *Materialy dlya istorii Permskogo kraya* [Materials for the history of Perm Krai]. In: Penn, S. (ed.) *Pamyatnaya knizhka Permskoy gubernii na 1863 g.* [The memorial book of Perm Province in 1863]. Perm: Gub. tip.
25. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA) Fund 281. List 17. File 11447. (In Russian).
26. Chagin, G.N. & Shilov, A.V. (2007) *Uezdnye provintsii Kungur, Osa, Okhansk* [Uezd provinces Kungur, Osa, Okhansk]. Perm: Knizhnyy mir.
27. Semenov, V.P. (ed.) (1914) *Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva* [Russia. A full geographic description of our homeland]. V. 5. St. Petersburg: izdatel'stvo A.F. Devriena.
28. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214. List 1. File 1497. (In Russian).
29. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 281. List 20. File 14242. (In Russian).
30. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 281. List 20. File 14295. (In Russian).
31. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 281. List 20. File 14249. (In Russian).
32. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 281. List 20. File 14280. (In Russian).
33. Rybakov, B.A. (ed.) (1987) *Vkladnaya kniga Troitse-Sergieva monastyrya* [The contribution book of the Trinity-Sergius Monastery]. Moscow: Nauka.

Received: 09 June 2015